

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ ПЛОДЫ ПОЛТАВЫ

Триумф под Полтавой имел для Петра огромное значение, и радостное возбуждение долго не оставляло победителя.

Трудно было поверить, что наконец, впервые за многие годы, грозный враг не стоит у ворот России — как если бы земля Украины вдруг разверзлась и поглотили вражеское войско. Через

два дня после битвы царь : генералами въехал в Полтаву. За два месяца осады i ород изрядно пострадал: стены разбиты, 4000 защитников едва держатся на ногах от усталости и голода. В Спасской церкви был отслужен благодарственный молебен и богослужение в честь государевых именин. Рядом с царем в храме стоял полковник Келин — доблестный комендант Полтавы.

После победного возвращения Меншикова с известием о капитуляции шведской армии в Переволочне Петр принялся раздавать чины и награды. Меншиков был произведен в фельдмаршалы. Уже имевший фельдмаршальское звание Шереметев получил большие земельные владения. Все генералы русской армии получили повышение в чине или были жалованы поместьями; впоследствии каждый из них был награжден усыпанным бриллиантами портретом Петра. Позволил себе принять чин генерал-лейтенанта армии и контр-адми-

13 Петр Великий, т. 2

353

рала флота и сам царь, который до сего времени и] армии числился полковником, а на флоте капитан-^ лейтенантом.

В генеральское и адмиральское достоинство царь был возведен «по указу» Ромодановского, и Петр, соблюдая правила игры, послал князю-кесарю благодарственное письмо:

Sir! Вашего величества милостивое писание нам и указ к его превосходительству господину фелтмаршалу, от которого именем Вашим чин третьего флагмана во флоте и ранг старшего генерал-лейтенанта на земли мне объявлен. И хотя еще столько не заслужил, тоию ради единого Вашего благоутробия сие мне даровано, в чем молю Господа сил, дабы мог Вашу такую милость вперед заслужить¹.

Победу праздновали по всей России. В Москве многие плакали от радости. Полтава положила конец иноземному вторжению — значит, можно надеяться и на снижение непомерных военных налогов, и на возвращение домой отцов, мужей, сыновей и братьев. В столице главные торжества отложили до прибытия Петра с победоносной армией. Но девятнадцатилетний царевич Алексей от имени отца закатил в Преображенском пир для иноземных посланников, а сестра Петра царевна Наталья устроила званый обед для жен именитых вельмож. На улицах города были расставлены столы, ломившиеся от снеди и вина — победу праздновали всем миром. Целую неделю с утра до вечера гудели церковные колокола, а с кремлевских стен гремели орудийные залпы.

В Полтаве празднование завершилось к 13 июля. Тела павших воинов — и русских и шведских - были собраны и погребены в отдельных братских могилах на поле боя. Армия отдохнула, и пришло время трогаться с места. В окрестностях Полтавы было совсем туго с удовольствием. (На девятый день после битвы при-

354

было еще 12 000 калмыков. К сражению они не успели, но, как и всех остальных, их надо было кормить.) Ну, а кроме того, теперь, когда шведский король бежал, а его армия была разгромлена, пришло время пожинать плоды победы. Два обширных края - Польша и Прибалтика — лежали перед русским царем практически беззащитные. С 14 по 16 июля в Полтаве заседал военный совет, принявший решение разделить армию на две части. Шереметеву со всей пехотой и отрядом конницы надлежало выступить на север, к Балтийскому побережью, и овладеть рижской крепостью. Меншико-ву с большей частью кавалерии предстояло идти на запад, в Польшу, где совместно с Гольцем действовать против шведского корпуса Крассова и войска Станислава.

Сам Петр из Полтавы отправился в Киев. Здесь находился шедевр древнерусской архитектуры — Софийский собор с многочисленными куполами и арками, украшенный внутри великолепной мозаикой. В стенах этого храма отслужили благодарственный молебен. Префект духовной академии Феофан Прокопович произнес пространный и величественный панегирик царю и Российской державе, который весьма польстил государю. С той поры царь заметил малороссийского священника, и впоследствии Прокопович стал правой рукой Петра при осуществлении церковной реформы. Задерживаться в Киеве Петр не собирался, но захворал и 6 августа писал Меншикову:

Мне за грех болезнь припала, которая по отъезде Вашем ввечеру прямой лихорадкою объявилась была. Но когда в понедельник принял фонмотив [рвотное] с помощью Божией оную разорвал,

однако ж она, яко проклятая болезнь, хотя не знобом и жаром, но тошнотою и тягостию еще давит, и дни свои выбирает, и тако не чаю, чтобы ранее 10 числа или праздника [Успения] отселе за бессильством ехать .

355

Петр желал, чтобы о его триумфе непременно прознал весь свет. Из лагеря под Полтавой он разослал описания баталии русским посланникам в иноземных столицах, дабы все подробности ее сделались известны повсюду. По царскому повелению, Меншиков от своего имени со срочным гонцом отправил письмо герцогу Мальборо.

В Европу, привыкшую к известиям о нескончаемых победах шведов, хлынул с востока поток писем и посланий, в которых описывалась «превеликая виктория» Петра и «полнейший разгром» Карла XII. Гонец Меншикова еще не добрался до Фландрии, где находилась ставка Мальборо, когда герцог получил известия о сражении и писал в Лондон Годольфину:

Мы еще не можем проверить, насколько верны вести о битве между шведами и московитами, но если шведы и впрямь разбиты наголову, то сколь же печальна мысль о том, что после десяти лет непрерывных успехов он [Карл XII] из-за невезения и дурного командования погубил себя и свою державу всего за два часа.

26 августа Мальборо доставили послание Меншикова, и он писал своей жене Саре:

Сегодня днем я получил письмо от князя Меншикова, царского фаворита и генерала. В нем он извещает о полнейшей победе над шведами. Если бы у несчастного короля нашлись мудрые советники и он заключил бы мир в начале лета, то мог бы весьма существенно повлиять на условия мира между Францией и союзниками и осчастливил бы свое королевство, тогда как ныне оно оказалось во власти соседей³.

По мере того, как в Европе распространялись вести о Полтавской победе, менялось и отношение к России, прежде враждебное и пренебрежительное. Философ Лейб-

356

ниц — тот самый, который после сражения под Нарвой выражал надежду, что власть Карла будет простираться от Москвы до Амура, — теперь увидел в разгроме шведской, армии один из славнейших поворотных моментов истории:

Что до меня, который привержен благу рода человеческого, то я весьма рад тому, что столь великая империя встает на путь разума и порядка, и в этом отношении почитаю царя за избранника Божия, посланного для великих свершений. Он сумел создать хорошее войско... не сомневаюсь и в том, что он сможет установить добрые отношения с иными землями, и я был бы счастлив содействовать расцвету наук в его державе. Берусь утверждать, что и на этом поприще он добьется большего, нежели какой-либо иной государь .

Лейбниц прямо-таки засыпал своего предполагаемого патрона всевозможными предложениями и идеями. Он выражал готовность содействовать созданию в России академии наук, музеев и школ и даже предлагал разработать проект памятной полтавской медали.

Впрочем, примеру спешившего приспособиться к новой ситуации Лейбница вскоре последует вся Европа. В одно мгновение европейская дипломатия повернулась на сто восемьдесят градусов. На Петра обрушился шквал всевозможных предложений о заключении союзов и договоров. Прусский король и курфюрст Ганноверский немедленно возжелали породниться с царским домом. Русскому посланнику в Копенгагене князю Василию Долгорукому дали понять, что Людовик XIV был бы счастлив вступить в союз с его государем. Франция предложила стать гарантом русских завоеваний на Балтике — заодно это дало бы ей возможность подорвать английскую и голландскую торговлю. Теперь, когда Карл XII был повержен, поспешили заявить о себе и его прежние противники. Король Фредерик IV Датский предложил Долгорукому заключить новый союз против Швеции.

357

Предложение обрадовало Долгорукого, но в то же время и позабавило — ведь этого самого союза он тщетно добивался на протяжении многих месяцев. Согласие Петра было получено, и скоро Долгорукий, стоя на борту датского военного корабля, с удовлетворением наблюдал, как датские войска пересекают пролив и высаживаются в южной Швеции.

Однако всего заметнее Полтавская победа повлияла на ход событий в Польше. Получив известие о баталии, Август Саксонский тут же издал манифест и объявил расторгнутым Альтранштадтский договор, лишивший его Польской короны. Во главе 14000 саксонской армии он вступил в Польшу и призвал поляков вновь принять его как законного государя.

Теперь в Польше не было шведской армии, поддерживавшей Станислава, и польские магнаты приветствовали возвращение Августа. Станислав же бежал — сначала в шведскую Померанию, затем в Швецию, а оттуда в лагерь Карла XII в турецких владениях.

К концу сентября Петр оправился от болезни и выехал из Киева в Москву кружным путем — через Варшаву, Восточную Пруссию, Ригу и Петербург. В начале октября, проезжая через Варшаву, царь спустился по Висле до Торна, где встретился с Августом на борту королевского корабля. Августу было не по себе: они не виделись с тех пор, как Август, нарушив все данные Петру клятвы, подписал договор с Карлом и оставил Россию один на один со Швецией; Но царь был в добром расположении духа и настроен снисходительно, говорил Августу, что прошлое нечего вспоминать и что он, Петр, не винит Августа — понимает, что его вынудили так поступить. Однако во время обеда царь не удержался и поддел-таки неверного союзника. Он сказал, что сабля — подарок Августа — всегда при нем, а вот Август отчего-то не носит подаренную ему Петром шпагу. Август отвечал, что царский подарок ему очень дорог, да вот беда — в спешке оставил шпагу

358

в Дрездене. Ну, коли так уж вышло, великодушно простил его царь, он сделает Августу новый подарок: и с этими словами Петр вручил королю ту самую шпагу, которую когда-то дарил ему и которая была захвачена в обозе Карла под Полтавой.

Этим Петр и ограничился. 9 октября 1709 года Петр и Август подписали новый договор, согласно которому царь обещал Августу помочь вернуть и удержать польский трон, а Август вновь обязался воевать со шведами и иными царскими недругами. Объявлялось, что цель союза — не разорение Швеции, но приведение ее в должные границы и недопущение агрессии в адрес ее соседей. По существу, Петр выполнил свои обязательства еще до того, как было заключено это соглашение. К концу октября войска Меншикова, не встречая сопротивления, заняли большую часть Польши. Шведский генерал Крассов, понимая, что не в силах воспрепятствовать действиям русской армии, отступил в шведскую Померанию, где его войска укрылись за стенами Штеттина и Штральзунда. Вместе с ним бежал из Польши и Станислав.

Из Торна Петр спустился еще ниже по Висле к Мариенвердеру, где состоялось его свидание с прусским королем. Фридриха I тревожило появление в северной Европе новой силы, но он рассчитывал, воспользовавшись ситуацией, прибрать к рукам хотя бы часть из захваченных шведами германских земель. Петр держался холодно: он понимал, что король стремится разжиться трофеями, не вступая в войну. Тем не менее, встреча прошла успешно. Был подписан договор о создании оборонительного союза между Россией и Пруссией; присутствовавшему при сем Меншикову был пожалован прусский орден Черного Орла.

Заодно Петр договорился с Фридрихом и о будущем браке своего сына Алексея. Царя уже не в первый раз посещала мысль породниться с иноземным правящим домом. Прежде в России о таком не слыхивали - рус-

359

ские государи не женились на иностранках, дабы не загрязнить царский род «басурманской» кровью. Петр еще со времени Великого посольства вознамерился изменить этот обычай, но в те годы Россия мало что значила на европейской сцене и никто из европейских монархов не видел смысла в брачном союзе с московской династией. С 1707 года царь пытался сговориться с мелким германским правящим домом Вольфенбюттель, убеждая герцога отдать его дочь Шарлотту в жены царевичу Алексею. Переговоры шли ни шатко ни валко — герцог не спешил выдавать дочь за наследника, отца которого, того и гляди, свергнет с престола шведский король. Но после Полтавской победы все препоны устранились как по волшебству и династические связи с Москвией обрели несомненную привлекательность. Герцог Вольфенбюттельский еще не успел известить царя о своей согласии на брак, а из Вены уже прибыл посланец императора, который предлагал выдать за Алексея свою младшую сестру — эрцгерцогиню Магдалену. Однако Петр продолжил переговоры с герцогом, увенчавшиеся составлением брачного контракта.

Еще один династический брак Петр устроил, договорившись о том, что его племянница Анна, дочь сводного брата Ивана, выйдет замуж за молодого курляндского герцога Фридриха Вильгельма, племянника Фридриха Прусского. Одним из условий брачного соглашения был

вывод русских войск из Курляндии — небольшого герцогства, расположенного к югу от Риги. За Курляндией также признавалось право сохранять нейтралитет в возможных будущих войнах. Фридриха Прусского это устраивало, поскольку таким образом в Прибалтике создавалась буферная зона между его владениями и русскими землями. А для Петра этот брак был важен потому, что впервые более чем за два столетия русская царевна выходила замуж за иностранца. Это означало признание Европой новой роли России и в дальнейшем открывало Петру и его преемникам возможность влиять

360

на сложную политику германских княжеств путем династических браков*.

Из Восточной Пруссии Петр через Курляндию поехал на север, к Риге, вокруг которой завершали осадные работы войска Шереметева. Фельдмаршал специально отложил начало обстрела до прибытия царя. Петр приехал 9 ноября, а 13-го собственноручно поднес фитиль к мортирам, послав в город три первых ядра. Это был символический акт возмездия за обиду, нанесенную царю в Риге тринадцать лет назад во время Великого посольства. Однако Рига упорно защищалась, и перед отъездом царь велел Шереметеву не оставлять людей на зиму мерзнуть в траншеях, а блокировать город и разместить войска на зимних квартирах.

Из Риги Петр продолжил путь на северо-восток, к Санкт-Петербургу — своему «парадизу», который наконец был в безопасности. Но и здесь он пробыл недолго. Времени хватило лишь на то, чтобы распорядиться о строительстве новой церкви в честь Св. Сампсония — святого, в день которого состоялась Полтавская баталия, заложить новый боевой корабль «Полтава» и дать указания по планировке и оформлению общественных садов. Затем он выехал на юг, в Москву, чтобы торжественно отпраздновать победу. 12 декабря царь прибыл в Коломенское, но там ему пришлось провести неделю в ожидании двух гвардейских полков, выбранных для участия в параде, и, кроме того, не все приготовления к торжеству были завершены. И вот 18 декабря началось грандиозное шествие, но тут Петра известили, что Екатерина родила дочь. Парад отложили: царь и его приближенные поспешили к новорожденной, которую нарекли Елизаветой.

* Год спустя в Петербурге была отпразднована свадьба. Увы, девятнадцатилетний жених не выдержал чрезмерных возлияний, заболел и по пути домой скончался. Анна осталась жить в Курляндии, а в 1730 году была призвана в Россию и стала императрицей Всероссийской Анной Ивановной.

361

Торжества начались спустя два дня. Под сооруженными по римскому образцу триумфальными арками проскакали эскадроны русской кавалерии, прогремели пушки, в пешем строю прошла гвардия — преображенцы в зеленых мундирах и семеновцы в синих. Следом за гвардией, верхом на подаренном Августом английскому скакуне, с обнаженной шпагой в руке ехал Петр. Царь был облачен в мундир полковника — тот, что был на нем под Полтавой. Женщины осыпали государя цветами. Волоча полотнища по земле, пронесли триста трофейных шведских знамен. Затем прошли плененные шведские полководцы с Реншильдом и Пипером во главе. И наконец, по заснеженным улицам Москвы потянулся нескончаемый поток шведских солдат — более 17000 пленников. На другой день в Успенском соборе был отслужен благодарственный молебен — в храм собралось столько народу, что сам Петр был стиснут толпой со всех сторон.

Официальное провозглашение победы и объявление о награждениях происходило в присутствии Ромодановского. Князь-кесарь восседал на троне, к которому по очереди подходили фельдмаршалы Шереметев и Меншиков, а за ними и Петр, произведенный из полковников в генерал-лейтенанты. Каждый докладывал Ромодановскому об одержанных победах. После доклада Шереметева ему была объявлена благодарность за победу под Полтавой, а Меншикову — за пленение шведов у Переволочны. Выслушав доклад Петра, Ромодановский поблагодарил его за победу у Лесной, и только. Затем князь-кесарь официально утвердил объявленное прежде повышение в чинах. Ввели Реншильда, Пипера и других шведских военачальников, которые немало удивились, увидев на троне не высокого мужчину, что принимал их в шатре под Полтавой и ехал впереди них по московским улицам, а совершенно неизвестного пожилого человека с покатыми плечами,

Часть зала была отгорожена высокими ширмами, и

362

когда их убрали, взору открылись пиршественные столы, уставленные серебряной посудой и подсвечниками. Сотни зажженных свечей рассеяли зимний сумрак, и толпа приглашенных хлынула к столам, рассаживаясь без чинов. За особым столом на возвышении восседал Ромодановский, с ним оба фельдмаршала, канцлер Головкин и сам царь. За отдельный стол усадили и шведских генералов. Позади кресла Петра стоял церемониймейстер, и всякий раз когда провозглашали тост, он стрелял из пистолета в открытое окно, что служило сигналом для артиллеристов. Пирующие поднимали кубки, и стены сотрясались от орудийного залпа. Завершился праздник великолепным фейерверком, который, по словам датского посланника, намного превзошел виденный им в Лондоне и обошедшийся в 70000 фунтов стерлингов.

Шведы, взятые в плен под Полтавой и сдавшиеся у Переволочны (а их было большинство), оказались наконец в Москве, к которой так долго стремились. Но вошли они в нее не завоевателями, а пленниками — в хвосте триумфального шествия русского царя. С генералами победители обращались весьма учтиво. Нескольким из них было позволено вернуться в Стокгольм и передать от имени Петра условия мира и обмена пленными. Юного принца Вюртембергского освободили безо всяких условий, но по дороге домой он скончался от лихорадки. Тело его с воинскими почестями было препровождено к матери в Штутгарт. Изъявивших желание шведских офицеров принимали на русскую службу. Принесшие присягу на верность Петру сохраняли чины, бывшие у них в шведской армии, и получали под начало русские эскадроны, батальоны и полки. Никого из них не принуждали участвовать в Северной войне и сражаться против соотечественников и своего короля. Их распределили по гарнизонам на юге и востоке оберегать

363

рубежи России от возмущений казаков и набегов татар и иных азиатских кочевников. Остальные офицеры были интернированы и разосланы по разным уголкам страны. Поначалу им была дарована даже свобода передвижения, но некоторые из отпущенных в Швецию под честное слово не вернулись назад, да и кое кто из поступивших на русскую службу скрылся, использовав свое новое положение. Доверие было подорвано, и режим содержания пленных ужесточился.

Шли годы, и шведские офицеры, разбросанные по всем областям России, нередко терпели нужду из-за скудости денежных средств. Рядовым солдатам из Швеции присылали небольшое пособие от казны, но офицерам ничего не полагалось. Из 2000 офицеров только 200 получали деньги из дома, остальным, чтобы заработать на жизнь, пришлось учиться ремеслу. Прежде они знали лишь военное дело, но со временем обнаружили поразительное множество дарований. В одной только Сибири осело около тысячи шведских офицеров, которые освоили малярное, столярное, слесарное или токарное ремесла, стали золотых и серебряных дел мастерами, изготавливали игральные карты, табакерки и превосходную золотую и серебряную парчу. Вышли из них и сапожники, и портные, и музыканты; некоторые стали держать постоянные дворы, а один сделался бродячим кукольником. Те, кто не сумел выучиться ремеслу, уходили промыслять в тайгу. Некоторые открыли школы. Кое кто из пленных вызвал из Швеции своих жен, иные же женились на русских, пошли дети и их надо было учить. Дети шведских пленных постигали математику, латынь, голландский и французский языки, не говоря уже о шведском. Образование их выгодно отличалось от того, что получало большинство детей в русских семьях, и русские, жившие по соседству, стали охотно отдавать своих детей в обучение иноземным наставникам. Порой шведы переходили в православие, а те, кто сохранил протестантскую веру, возводили свои храмы. Сибирь была су-

364

ровым и неприветливым краем, но ее губернатор, князь Матвей Гагарин, слыл человеком великодушным, и угодившие в Сибирь шведские офицеры превозносили его за снисходительность и милосердие. Петру, который все управление государством переиначивал на европейский лад, в скором времени потребовались толковые и грамотные чиновники. В Петербурге в новоучрежденных коллегиях (будущих министерствах) — Адмиралтейской коллегии, Юстиц-коллегии, Коммерц-коллегии и Берг-коллегии — нашлись места для многих бывших шведских офицеров.

С простыми солдатами, а их было более 15000, обошлись строже. Им, правда, тоже предоставили возможность поступить на царскую службу: на Кубани целый полк шведских

драгун — 600 человек под командой немецкого полковника — оберегал российские рубежи от татар. Но те, кто отказались служить царю, отправлялись на принудительные работы. Их можно было встретить и на шахтах Урала, и на строительстве верфей и укреплений в Петербурге. В отношении шведских офицеров велся учет, но учитывать всех солдат не считали нужным. Часть из них жила в городах, часть в имениях российских дворян; многие женились на русских, приняли православие, обрусели. В 1721 году, через 12 лет после Полтавской битвы, когда наконец был заключен мир и пленным шведам разрешили вернуться домой, из 40-тысячного воинства Карла в родные шведские пределы возвратилось всего 5000 человек.

Весной 1710 года Петр пожинал военные плоды Полтавской победы. Русские армии, не встречая сопротивления, прокатились по балтийским провинциям Швеции. В то время, как на юге 30-тысячная армия Шереметева осаждала Ригу, на северо-запад Петр послал генерал-адмирала Федора Апраксина, только что ставшего графом и тайным советником. Во главе 18-

тысяч-

365
ного войска он должен был осадить Выборг — город на Карельском перешейке, в семидесяти пяти милях к северо-западу от Петербурга, который мог служить шведам опорным пунктом, задумай они напасть на новую столицу Петра. В 1706 году русские войска безуспешно пытались захватить Выборг с суши, но теперь у них появились новые возможности — на радость Петру, вырос и окреп Балтийский флот. Помимо фрегатов, в его составе было и множество галер, ходивших как под парусами, так и на веслах. Они как нельзя лучше подходили для плавания возле скалистых финских берегов, годились и для транспортировки припасов, и для того, чтобы удерживать в заливе шведские эскадры. В апреле, едва Нева очистилась ото льда, из Кронштадта вышел русский флот под командованием вице-адмирала Крюйса. Его заместителем в чине контр-адмирала был Петр. Проложив путь сквозь плавающие льды Финского залива, суда подошли к Выборгу. Осаждавшие крепость войска Апраксина страдали от стужи и голода. Однако теперь Апраксин получил провиант, а с учетом прибывшего на судах подкрепления его силы возросли до 23000 человек. Ознакомившись с планом осады, Петр повелел Апраксину взять город во что бы то ни стало, а сам на небольшом суденышке вернулся в Петербург, причем по пути едва ушел от шведского военного корабля.

В Петербурге царь снова занедужил и проболел весь следующий месяц. В начале июня, узнав, что осада Выборга близится к концу, он писал Апраксину: «А от денщика твоего я слышал, что сегодня намеришь приступать, и ежели уже учинено, то Бог в помощь. Ежели же до сего дня не учинено, то прошу, дабы до воскресенья или до понедельника отложено было, к тому времени могу поспеть, понеже сего дня последнее лекарство приму, и завтра буду свободен» . 13 июня 1710 года Выборг с гарнизоном в 154 офицера и 3726 солдат сдался Апраксину. Петр поспел как раз вовремя и присутствовал при капитуляции. Впослед-

366

ствии русские заняли Кексгольм, и весь Карельский перешеек очистили от неприятеля. Таким образом, к северу от Петербурга возникла стомильная защитная полоса, а это значило, что Петрову «парадизу» более не грозит неожиданное нападение шведов. Довольный сверх меры царь писал из Выборга Шереметеву: «Итак, через взятие сего города, Санкт-Питербурху конечное безопа-сие получено», и Екатерине — что «уже крепкая подушка Санкт-Питербурху устроена через помощь Божию» *.

В течение лета 1710 года пали все шведские твердыни на южном побережье Прибалтики. 10 июля, после восьмимесячной осады, Шереметеву сдался крупнейший город Рига. Русские мортиры выпустили по городу около 8000 бомб. Гарнизон, насчитывавший 4500 человек, был уже подкошен голодом и болезнями, которые Петр называл «карой Божией». По договору с Августом, Лифляндия и Рига должны были отойти к Польше, но

* Уже в нашем веке русские вновь стремились обезопасить Петербург—Ленинград с этого направления. На протяжении 109 лет, пока Финляндия являлась великим княжеством в составе Российской империи, такой угрозы не существовало. Однако в 1918 году Финляндия обрела независимость и Выборг с Карельским перешейком отошли к молодому финскому государству. Ленинград, второй по величине город страны, оказался всего в 21 миле от границы. Советское правительство болезненно воспринимало сложившееся положение и стремилось, по примеру Петра, подложить «подушку» потолще. Нападение СССР на Финляндию в 1940 году прежде всего имело целью вернуть эти буферные территории. Поначалу «Зимняя

война» шла неудачно для Советов. Финны мужественно сражались, чем заслужили восхищение всего западного мира. Им удалось остановить продвижение Красной армии, офицерский корпус которой был обескровлен сталинскими чистками. Но в конечном итоге, сказался огромный численный перевес, и Красная армия прорвала линию Маннергейма. Затем был заключен мир, в соответствии с которым граница вновь стала проходить примерно там, где установил ее Петр. Дополнительный внешний буфер помог спасти Ленинград в 1941-1943 годах во время 900-дневной осады города германскими и финскими войсками.

367

Петр решил, что и город и провинция были оплачены русской кровью под Полтавой — Август же в то время не был ни польским королем, ни союзником России. Поэтому царь вознамерился оставить завоеванные земли за собой. Он стал для них милостивым правителем. От прибалтийского дворянства и рижского купечества Петр потребовал принести присягу на верность, однако гарантировал им сохранение всех прежних прав, привилегий, обычаев и национальной целостности. Лютеранские церкви не пострадали, а немецкий язык остался языком местного управления. Уже много лет жители этих мест думали только о том, как выжить - долгая война превратила край чуть ли не в пустыню, и, сменив шведского государя на русского, местное дворянство ничего не потеряло.

Спустя три месяца после падения Риги капитулировал Ревель — последний из плодов Полтавы был сорван. Радости Петра не было предела: «... последний город Ревель генерал-лейтенанту Боуру на аккорд сдался, — писал он, — и единым словом изрекши, что неприятель на левой стороне сего восточного моря не только горо -дов, ниже степени земли не имеет. И тако надлежит Господа Бога просить точию о добром мире» .

